

А. В. Жиркевич

Розги

Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т.-- М., Худож. лит., 1982. Т. 2.

Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

...Полковой адъютант, поручик Сомов, торопливыми шагами ходил по бараку...

Вечер постепенно гас, уступая место сумеркам. Поле ржи, тянувшееся к лесу за крайними бараками полкового штаба, отливало теперь свинцом. Все носило на себе следы недавнего ливня: по дорожкам усыхали лужи и ручьи; пахло сыростью, сосновой смолой, освеженными листьями серебристого тополя и резедой. На горизонте улеглась туча, в которой время от времени вспыхивали и потухали зарницы. Воробьи вздорили на черешнях вокруг офицерского клуба. В далеких лугах перекликались коростели. А над лагерем стоял тот особенный шум, которым сопровождается возвращение рот с занятий, казалось, что в воздухе гудели рои шмелей и ос, затронутые в гнездах неосторожным путником.

Сомов видимо волновался. И было от чего! Ему первый раз в жизни приходилось наказывать нижнего чина, и притом так, что наказание это всецело зависело от одного его, Сомова.

Это был худощавый блондин, лет двадцати трех, небольшого роста, с одним из тех лиц, которые, при всей правильности их, не обращают на себя внимания.

Сомов то подходил к окну и стоял там подолгу в раздумье, смотря, как над самой рожью беззвучно проносились ласточки, как суетились вороны, с гамом усаживаясь на ночлег по березам, то опять принимался шагать по бараку...

Барак был невелик, но уютен, оклеен обоями и не без претензий на изящество. Так, на письменном столе, кроме нескольких фотографий в разнокалиберных рамках, помещались гипсовые статуэтки Гете и Шиллера, а между ними букет незабудок, наполнявший теперь комнату слабым медвяным ароматом. Этажерка у стены пестрела книгами: здесь томы Пушкина разъединялись "Уставом о службе в гарнизоне"; издание "Дешевой библиотеки" было прижато "Наставлением для обучения стрельбе", и над этой смесью книг висела неудачная гравюра с "Бурлаков" Репина.

Сомов походил еще немного и наконец на что-то решился.

-- Сергей! -- крикнул он.

-- Чаво? -- не сразу отозвался голос за перегородкою, и вслед за тем в бараке появился неуклюжий, белобрысый парень с заспанной физиономией и стал у порога.

Все в его фигуре как-то безнадежно, некрасиво висело: пестрая, сомнительной чистоты рубаха; прямые волосы, остриженные сзади под скобку, а спереди спущенные на лоб гривкой; длинные узловатые руки.

Это был денщик Сомова, Сергей.

Войдя в барак, он тоскливо повел глазами по комнате и затем начал следить за своим барином, слегка вытянув худую шею и приоткрыв рот.

А барин все ходил и ходил.

"Эк его носит! Эк его носит!-- читалось во взгляде денщика.-- И чего вдруг загорелось? Дремал себе человек... Так нет же!.. Сергей да Сергей... Эх ты, жисть проклятая!"

Сергей был по натуре резонер и меланхолик, что не мешало ему в то же время быть язвительным и крайне подвижным в словесных турнирах, которыми постоянно и приятно осложнялось его существование. Перед поступлением на службу он жил у какого-то предводителя, или, как он выражался, "производителя" дворянства, составил поэтому очень высокое мнение о своих служебных способностях и умел, при случае, этой жизнью у "производителя" пустить пыль в глаза свежему человеку. Как денщик полкового адъютанта -- лица, в свою очередь, близко стоящего к командиру полка,-- Сергей пользовался известного рода авторитетом не только в музыкантской команде, подчиненной поручику Сомову, где